

2014-01-19

"Спектакль рождается только в общении со зрителем".

Интервью интернет-журналу ArtРЕПРИЗА

17.01.2014

Беседовала Александра Ермолаева

Актер театра «АпАрте» Алексей Зуев – человек удивительно светлый и, если так можно выразиться, вдохновляющий. Талант и харизматичная внешность, интеллигентность и природное обаяние, умеренная скромность и собственная жизненная философия – с Алексеем попросту интересно вести беседу. О своем творческом пути и увлечениях, об особенностях русского психологического театра и съемках в кино, а также о собственном продюсерском центре актер рассказал в интервью нашему интернет-журналу.

- Здравствуйте, Алексей! Хочу начать нашу беседу с комплимента в адрес Вашей актерской работы – мне безумно понравились спектакли «Сахалинская жена», «После занавеса» и «Гамлет». Вы сейчас играете только в этих трех постановках или где-то еще?

- Всё верно, сейчас я играю в спектаклях «Гамлет» и «Сахалинская жена» в московском театре «АпАрте» и в спектакле моего продюсерского центра – «После занавеса».

А еще иногда антрепризу «Чокнутые королевы». Лия Ахеджакова, Эра Зиганшина, Мария Кузнецова, и я – мы играем вместе, уже семь лет. Но в Москве редко. В основном ездим на гастроли.

- А какой из сыгранных Вами персонажей Вам самому ближе?

- Каждый по-своему. Хотя в какой-то момент близость с образом перестала иметь для меня определяющее значение, и я стал относиться к актерской работе профессиональнее, перестал ее идеализировать.

- То есть исчезла творческая составляющая?

- Почему же? Просто область творчества стало шире. Теперь я думаю, что любое обычное занятие может быть творческим, даже если ты просто сидишь и смотришь в одну точку. И наоборот – активное участие в каких-нибудь «проектах» может быть совершенно не творческим. Творчество для меня это, прежде всего, внутренняя работа души, которая тебя преображает. А внешне эта работа может быть выражена по-разному.

- Что для Вас важнее – полностью перевоплощаться на сцене или же оставаться самим собой?

- Я стремлюсь объединять эти кажущиеся противоречия (*смеётся*). По Станиславскому, верное «творческое самочувствие» актёра на сцене - это когда он, внутренне, играет «собой» и «через себя», а внешне, может бесконечно импровизировать в зависимости от обстоятельств, настроений партнёров, декораций, костюмов и прочего.

При этом, характер героя, которого ты играешь сегодня, может быть тебе лично и не очень близок. Например, в «Гамлете» П.Штайна я много лет играл студента Горацио, а теперь в постановке Г.Стрелкова играю короля Клавдия. Так сложилась моя актерская судьба.

- А чем Вы руководствуетесь при выборе роли?

- Интуицией. «Хочется – не хочется». Безусловно, новый образ должен «захотеться», т.е. его нужно полюбить. Без любви – не получится. Конечно, можно попробовать обмануть, но будет неинтересно. Я иногда снимался в кино, когда, по разным причинам, «не успевал» полюбить свою новую роль. И внутренне это было тягостно. Как тягостно любое занятие без любви. Я думаю, мастерство актёра заключается ещё и в том, чтобы вовремя это отсутствие любви заметить и, сделать всё от тебя зависящее, чтобы эту недостачу исправить.

- Если все-таки говорить о театре, то какова аудитория постановок с Вашим участием? Больше молодежи или же, наоборот, людей в возрасте?

- Театр «АпАрте», в котором я служу, считается молодежным театром. Но при этом к нам ходят все поколения зрителей. Ну, а почему зрители вообще идут в театр? Потому что им не хватает настоящего общения. И тут дело, я думаю, не в возрасте, а в самом желании общаться. Прийти в театр, потрудиться душой в специально созданных для этого искусством условиях (*смеётся*).

И актёрам это тоже важно. Выйти на сцену и искренно чем-то поделиться, не делая вид за деньги, а действительно рассказать что-то важное людям, сидящим в зрительном зале. Тогда и происходит настоящий обмен человеческим опытом. Для меня - спектакль рождается только в общении со зрителем.

Вот мы сейчас с Вами разговариваем – Вы дома готовились, продумывали вопросы, я специально приоделся, но интервью ведь получается не из нашей с Вами подготовки. А из желания: моего – что-то рассказать и Вашего – что-то услышать(*смеётся*).

- Задам вопрос достаточно банальный, но всё же важный: что поспособствовало тому, что Вы решили стать актером? Шли к этому осознанно с самого детства, или же все решил случай?

- Ну, как традиционно отвечают на подобный вопрос? Я с самого детства об этом мечтал, первая моя театральная студия была в двенадцать лет, а до этого я участвовал во всевозможных праздниках... Всё это так и было. Но было и что-то ещё. Думаю, помощь Проведения.

Я верю, что у нашего Создателя есть для каждого человека определенный замысел. И если человеку даётся этот замысел почувствовать, следовать ему или хотя бы не мешать, то человек обязательно придёт туда, к чему он определён, и будет делать то, для чего он предназначен. Это сложно. В нас – много всего разного и, как сказано в Евангелии, «всё мне позволительно, но не всё полезно».

- То есть не было такого, что Вы сначала решили стать кем-то одним, а потом внезапно переключились на актерскую деятельность?

- Нет, я всегда чувствовал, что буду заниматься актёрским искусством. И когда учился в машиностроительном техникуме и проходил практику в цехе крупных электрических машин, и когда служил в армии, работал администратором, да и сейчас у меня много организаторской работы совсем не связанной с театром или кино.

Но, всё-таки актёрское искусство я очень люблю. И оно для меня до сих пор, во многом остаётся загадкой. Например, есть такие редкие актёры-рассказчики, – и я с ними сталкивался, – которые умеют рассказывать истории, так выразительно, что я словно проваливаюсь в них, буквально вхожу в них, как в другую комнату. Для меня это пример Предназначения актёра.

- Что побудило Вас создать собственный продюсерский центр? Что входит в сферу его деятельности?

- Родился он стихийно – потому, что в 2006 году от правительства Москвы я получил грант на спектакль, который мне хотелось поставить, пьесу Брайана Фила «После занавеса». Сначала я походил с этим материалом по дружественным театрам, но все говорили о том, что это какая-то тягомотина, да и кому это сейчас нужно? В общем, никто не вдохновился. Кроме меня. И моей жены актрисы Марины Кангелари.

В общем, мы подали на грант, и нам неожиданно дали денег. А раз дают деньги, значит, дают шанс воплотить наш замысел. И мы с Мариной собрали замечательную команду театральных профессионалов, сделали декорации, костюмы и выпустили премьеру. Образно говоря, родился ребенок. И вот теперь его нужно было «кормить», «одевать», «воспитывать», «в школу водить» - в общем, создать условия для жизни. Так появился продюсерский центр Алексея Зуева. И мы решили, что главной его целью будет – поддержка авторского театра.

Потом к нам в центр стали приходиться выпускники театральных учебных заведений – со своими дипломными спектаклями. Например, вгиковцы со спектаклем о поэтах Серебряного века «Третье» режиссёра Юлии Жженовой. Спектакль отличный, репетировали его год, а сыграли всего несколько раз – и что, теперь выбрасывать?

- А каким образом ребята на Вас выходили?

- Ну, а как все друг на друга выходят? Звонят, спрашивают у друзей, ищут информацию в интернете. Опять же помощь Провидения (*смеётся*). Спектакль «Третье» наш центр поддерживал ещё два сезона, организовывал прокат и продажу билетов. Много ребята не зарабатывали, но свой труд окупали.

Потом пришел Сережа Карякин, с авторским моно-спектаклем «Москва – Петушки» по роману Венедикта Ерофеева. Мне лично эта поэма не близка, но как Серёжа её замечательно воплощает! На нашем спектакле была родственница автора, директор музея Ерофеева в Петушках. Она видела все спектакли по этому произведению и сказала, что у нас одна из лучших постановок.

- А Вы строите дальнейшие планы на сотрудничество с кем-либо?

- Я не строю никаких планов. Я люблю общаться с людьми и, так как у нас у всех различные дарования, мы вместе иногда вдруг можем сложиться в некую единую неожиданную мозаику. И если всем участникам интересно, и мы находим силы и средства для того, чтобы трудиться вместе, может родиться что-то совершенно новое. А может и не родиться..

- Вопрос к Вам как к режиссеру. Какова ключевая особенность современного русского драматического театра? И в чем он выигрывает у, скажем, европейского?

- Мне повезло, и я бывал с гастроями на многих международных фестивалях. Я видел зарубежный театр самого высокого уровня – на Авиньонском фестивале, на фестивалях в Южной Америке, в Токио, в Австралии... Где уж, казалось бы, вообще нет театра. И ведь есть страны, где театра действительно нет. Люди даже не знают, что это такое. Для них театр – это весёлые танцы и яркие лампочки. А вот, чтобы смотреть на актёров, которые два часа ходят по сцене и что-то говорят – такого театра нет и в помине. Один мой знакомый даже поинтересовался у меня: «И что, вы каждый раз повторяете один и тот же текст? Много лет? А какой в этом смысл?»

Я учился Школе-студии МХАТ у прекрасных педагогов. Наш мастер Авангард Николаевич Леонтьев, замечательная Алла Борисовна Покровская, чудная Наталья Дмитриевна Журавлева... Игорь Золотовицкий, Александр Феклистов, Герман Энтин – это уже следующее поколение педагогов...Потом четыре года я проработал у Олега Павловича Табакова, два года у Олега Николаевича Ефремова. Благодаря всем этим замечательным людям, я смог почувствовать, что русский психологический театр – это когда невидимая человеческая душа на сцене вдруг «является видимой».

Что значит «является»? Это когда событие на сцене действительно

случается, а не «изображается», и происходит объединяющая всех, и актёров и зрителей Встреча. Встреча здесь и сейчас. И не важно, играем ли мы «Гамлета» или современную пьесу. Я воспринимаю эту Встречу как чудо. И когда это чудо происходит, я думаю, что театр – это не скучная, пыльная и старомодная забава, не имеющая к жизни ни какого отношения, он, оказывается, может быть полон глубоких чувств, и наполнен смысла!

- Получается, что зарубежный театр подобных задач перед собой не ставит?

- В основном, в драматическом театре у них подобной традиции нет.

- Приносят ли Вам удовольствие съемки в кино? Или же театр все-таки ближе?

- В юности я очень хотел сниматься в кино. Еще когда был школьником и жил в Петербурге, тогда – Ленинграде. Когда я проезжал под землёй станцию метро «Петроградская», над которой находится Ленфильм, у меня все внутри колотилось, и мне казалось, что сейчас в вагон войдет какая-нибудь женщина и скажет: «Вот Вы, именно Вы нам нужны!» Но, она не вошла, слава Богу! (смеётся).

На Ленфильме я тогда все-таки поработал – рабочим на площадке. Причем в первый раз я пришел на работу в костюме, галстук и белой рубашке. Постучался, поздоровался, все очень живо отреагировали: «Ой, здравствуйте, проходите, пожалуйста!» Говорю: «Я – ваш новый рабочий на площадке». И мне так разочарованно в ответ: «Ааа... Ну, проходите вот туда, садитесь пока, вы еще не скоро понадобится».

Через семь лет моя мечта все-таки сбылась. Я заканчивал Школу-студию МХАТ, и к нам на дипломный спектакль пришла женщина, которая действительно сказала: «Вы и только Вы нам нужны!» Меня взяли за руку и отвезли в Ленинград, на тот самый Ленфильм, сделали пробы, и подарили главную роль в фильме «Царевич Алексей», где я сыграл сына Петра I. Причём подарили сразу всё – главную роль, замечательного режиссера, отличный сценарий, прекрасных партнеров, роскошные костюмы, декорации, полтора года съемок по России и за границей... Мне эта роль тогда была настолько по душе, что режиссер Виталий Вячеславович Мельников говорил: «Тебе вообще ничего не нужно объяснять, иди и делай в кадре что хочешь, потому, что это действительно твоё!» А я ведь ничего тогда не умел, не понимал и впервые снимался в кино. Это я и называю Промыслом – когда ты делаешь что-то вовсе не благодаря каким-то своим способностям, а когда Провидение говорит: «Вот этот человек будет в этом месте, здесь и сейчас вот этим заниматься». Для меня эта роль была счастьем.

- Вам ближе герои-романтики? Или интересно пробовать и что-то диаметрально противоположное, играть злодеев?

- Король Клавдий в «Гамлете» – к примеру, совсем не романтик. Братоубийца, предатель, негодяй, вдохновитель всей этой кровавой истории. Но и у него есть другая сторона, которая открывается в его монологе - «Не могу молиться..»

А в спектакле «Жанна Д'Арк при дворе и на войне» Гарольда Стрелкова я играл Жилья де Ре. Жилья де Ре – прообраз Синея Бороды. Если вспомнить европейскую историю 15 века, то Франция в течение ста лет была в порабощении у Англии, и Францией фактически руководил не король, а премьер-министр Тремуль. И у него был племянник – Жилья де Ре. Представитель даже не «золотой» молодежи, а «бриллиантовой». Человек, у которого было буквально всё, что он только мог пожелать. Переболевший многими страстями и пороками, он окончил жизнь плохо – инквизиция сожгла как алхимика. А в истории Жанны Д'Арк он играл очень неожиданную роль. Жилья увлекался Жанной, но был влюблён не в нее саму, а в её уникальные способности слышать голоса святых и творить чудеса. Сам Де Ре в Бога не верил, а вот необычные способности его очень интересовали. И ради этого он стал

главнокомандующим армией Жанны Д'Арк и одерживал победы в сражениях. Вот такая вот удивительная драматургия Проведения. Он, тоже совсем не романтический герой.

- Есть ли у Вас какие-то увлечения, помимо театра и кино?

- Увлечения? У меня семья, двое детей, и мы с женой еще хотим (*смеётся*). Ещё у нас есть собака, куча друзей, которым всегда нужно помощь. Вот недавно мы с фондом Артема Артёмова «Наш дом» сняли документальный фильм о детских домах «Право на маму».

- Неотъемлемая часть театрального спектакля – это музыка, ведь она создает свою определенную атмосферу. Чем музыка является для Вас?

- Отдыхом. Мне нравится Моцарт, Бах, Прокофьев. Джаз. Я не люблю агрессивную музыку.

- Что является Вашим главным источником вдохновения?

- Любовь. Любовь к Создателю, жене, детям, друзьям, окружающим людям. Пожалуй, самая большая ценность – это человеческое общение. Ясное определение любви даёт апостол Павел в первом послании Коринфянам в 13 главе. Отсюда – и вдохновение. А еще природа поражает и многообразие мира. Недавно подарил младшей дочери цикл фильмов Би-би-си «Планета Земля». Вчера всей семьёй смотрели фильм про императорских пингвинов. Самочки несут яйца и, истощенные, уходят за сто пятьдесят километров в поисках пищи, а самцы сбиваются в кучу и в течение четырёх месяцев полярной зимы эти яйца высиживают. И это – в шестидесятиградусный мороз! Просто невероятно! После этого многие мои трудности мне кажутся смешными. (*смеётся*).

- Насколько я знаю, Вы сами озвучивали некоторые фильмы Би-би-си?

- Да, я кое-что озвучивал для телеканала «Animalplanet».

- А еще Вы какое-то время преподавали актерское мастерство. Что дал Вам педагогический опыт?

- Мне было интересно. В течение года преподавал на курсе у Табакова, а затем, уже вместе с Мариной Кангелари – в частной актерской школе. Интересно, насколько ты можешь передать другим людям то, что понимаешь в профессии. Опыт нужный. Хочешь научиться – возьми учеников и заодно научишься сам (*смеётся*).

- Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети пошли по Вашим стопам? Или же Вы категорически против? Насколько я знаю, в актерских семьях – совершенно разное к этому отношение.

- Я бы вообще не хотел ничего навязывать своим детям. И это у меня пока плохо получается. Я стараюсь своим образом жизни что-то им показывать. И конечно, мне было бы приятно, если бы моя старшая и младшая дочь со мной соглашались. Младшая пока соглашается чаще, чем старшая (*смеётся*). Но навязывать что-либо – невозможно. Я могу вспомнить себя в их возрасте – так я вообще никого никогда не слушал и всегда опирался только на свой внутренний опыт. Нельзя навязать, даже что-то очень хорошее, нужное, но видимо, преждевременное – ну, так мне кажется (*смеется*).

- Насколько мне известно, Вашей однокурсницей в Школе-студии МХАТ была Анастасия Заворотнюк. В последние годы она очень востребована как в

качестве актрисы, так и телеведущей. Вас же называют немедийной персоной, несмотря на то, что ролей в кино и театре у Вас – не намного меньше, чем у той же Заворотнюк. Чем объясняется такая скромность и нежелание быть на виду у всех?

- Я не беспокоюсь об этом. Бывает известность разрекламированного бренда, как часть рыночной стратегии; есть уважение коллег и профессионалов, а есть и всенародная любовь. Там же у апостола Павла в 15 главе «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе». Я думаю, мы это не решаем.

- При открытии Вашего официального сайта появляется фраза «Действие – Радость». Что стоит за этими словами?

- «Действие» – это базовое слово школы Станиславского. Станиславский вообще всю жизнь занимался исследованием того, что такое – действовать на сцене. Не имитировать, не изображать, а делать. И действие есть радость. «Всегда радуйтесь». Всему. Только радость эта должна быть именно глубинной, внутренней. Бог есть Любовь и всё мироздание пронизано Его Любовью. Если это не забывать, можно радоваться всему, и тогда любое действие – радость. Я в это верю.